Литература, критика, искусство

Преодолѣвшіе хаосъ

Въ моихъ рукахъ книжечка съ датой: «Москва, 1925». На титульномъ листѣ значится:

— *Четъ и нечетъ. Альманахъ поэзіи и критики. Авторское изданіе.*

Перелиставъ этотъ альманахъ, невольно влечешься сдѣлать изъ него нѣсколько выписываемыхъ цитатъ.

Вотъ первая: она — изъ замѣтки «Поэзія нашихъ дней».

— Если понятію «наши дни» придавать чисто временный смыслъ, можно отмѣтить большія поэтическія достиженія послѣдняго времени. У насъ есть цѣлый рядъ крупныхъ поэтовъ. Таланты ихъ не скудѣютъ. Такъ «Звѣзда» Андрея Бѣлаго или стихи послѣ «Звѣзды» принадлежатъ, можетъ быть, къ лучшимъ его поэтическимъ произведеніямъ. Не угасло дарованіе и Сологуба... Нѣкоторые поэты выступившіе позже, развернулись только въ самые послѣдніе годы. Волошинъ въ послѣднихъ стихахъ преодолѣлъ эстетизмъ прежнихъ лѣтъ и нашелъ свои настоящія темы. То же слѣдуетъ сказать и объ Ахматовой. Значительность ея таланта съ ясностью опредѣлилась только въ самое послѣднее время. Тѣсный кругъ ахматовскаго міра, очерченный «Четками» и «Бѣлой стаей», остался далеко позади. Не говоря уже объ Есенинѣ, который растетъ на нашихъ глазахъ, даже Ходасевичъ, поэтъ значительно болѣе слабый, развился въ своемъ родѣ и достигъ извѣстной художественной простоты, (впрочемъ, присущее ему глубокомысленное позерство сильно понижаетъ значеніе его поэзіи). Какъ бы ни относиться къ футуризму, какъ идейному теченію, слѣдуетъ признать, что творческій путь вышедшихъ изъ него поэтовъ тоже еще не оконченъ. Только у Маяковскаго замѣчается нѣкоторое паденіе лирической силы...» и т. д., и т. д.

Далѣе отмѣчается, что и Асѣевъ «написалъ неплохую поэму» и что у Пастернака «линія творчества совершаетъ скорѣе восхожденіе».

Но тутъ же подчеркивается, что все это казны не сегодняшняго, а сегодняшняго дня, но «то, что они создаютъ въ наши дни, относится къ прошлому». На вопросъ же о томъ, что именно является собой творчество поэтовъ «сегодняшняго дня», здѣсь дается такой категорическій отвѣтъ:

— «*Картину полнаго разложенія поэзіи*»!

Здѣсь замѣчается, что именно въ данный моментъ «*небывалый поэтическій хаосъ нашего времени*», и послѣ цѣлаго ряда иллюстрацій къ этому положенію дѣлается такое заключеніе:

— «*То истинно поэтическое, что совершается въ наши дни, относится къ прошлому*, все же, что относится къ настоящему, за рѣдкими исключеніями, не поднимается надъ уровнемъ эпигонства и эпигонства. Это состояніе поэзіи и объясняетъ всѣ особенности переживаемаго нами періода. Что же удивительнаго въ томъ, что нечаянъ грунтаровъ и теоретія, если поэтъ настоящаго времени. Что же удивительнаго въ этомъ внезапно наступившемъ эпоэтическомъ умираніи, которому аплодируютъ радостно эпигоны критики, если *поэты и губы старческо отвисли, а у молодыхъ они еще не выросли*».

Объ этомъ же читаемъ и въ предисловіи, открывающемъ страницы этого маленькаго альманаха. Вотъ оно почти полностью:

— «Поколѣніе, къ которому мы принадлежимъ, — замѣчается здѣсь, — формировалось въ атмосферѣ, созданной футуризмомъ. Разрушительныя тенденціи этого теченія были по существу тенденціями антикультурными. Самое понятіе поэзіи было извращено. Замуровать будущее, футуризмъ поставилъ непроходимую преграду между настоящимъ и прошлымъ. Замкнулись источники міровой поэзіи. Темныя стихіи слова прорвались наружу и вышли изъ береговъ. Пробивая себѣ дорогу въ настоящему искусству, мы вынуждены были выбирать между культурой и тѣмъ, что ей въ нѣкоторомъ смыслѣ противополагается... Мы полностью отметаемъ футуризмъ, какъ традицію. Наслѣдіе прошлаго живо для насъ. Но мы не стилизаторы и не реставраторы. Вырвавшись изъ душнаго футуристическаго плѣна, мы съ особенной силой ощущаемъ чистый воздухъ культуры прошлаго. Но оно не можетъ замѣнить намъ настоящее и отвлечь насъ отъ устремленій въ будущее».

Съ огромнымъ удовлетвореніемъ читаешь эти слова, пришедшія къ намъ въ Парижъ изъ далекой Москвы.

Изъ напечатанныхъ въ этомъ альманахѣ — не только критики, но поэзіи — стиховъ, есть нѣкоторые, которые свидѣтельствуютъ, что за «легкимъ дѣломъ критики здѣсь стоитъ «трудное» положительное творчество поэта, стремящагося свои строгія оцѣнки сочетать съ дѣйствительно серьезными поисками настоящей истинной дороги поэзіи.

Отмѣчу два маленькихъ стихотворенія Льва Горнунга.

Вотъ одно изъ нихъ.

Что сказочнѣй пылающаго шара,
Стоящаго надъ дымнымъ горизонтомъ,
Когда вокругъ пушистыя деревья
И бѣлыхъ крышъ торжественный
покой.

Идти и слушать вѣтеръ безпокойный,
И видѣть снѣгъ, развернутый пластами,
И цѣлый міръ суровый и безлюдный
Неутомимо чувствовать въ душѣ.

И другое:

Угрюмый Панъ! Въ вѣнкѣ зеленомъ
Я заключилъ пьянящій хмѣль.
Межъ пальцевъ флейта — съ легкимъ звономъ
Вѣжитъ стремительная трель.

И вьется въ ней, не умолкая,
Не обрываясь, не спѣша,
Моя упрямая и злая
И сумасшедшая душа.

Отмѣчу еще, что эти поэты, собравшіеся вокругъ своего «чета и нечета», не могли не упомянуть и о своей связи съ тѣмъ нашимъ «прошлымъ», которое для всякаго поэта пребываетъ неизмѣнно въ то же время и какъ самое животворящее «настоящее»: въ любопытной замѣткѣ о «поэзіи и наукѣ» (подписной: Г. Винокуръ), называя *великое имя Пушкина* и, можно думать, что въ сердцахъ московскихъ поэтовъ и критиковъ «Чета и нечета», дѣйствительно, начертано Пушкинское мужественное увѣреніе:

Нетерпѣнью богамъ не страшны
боги лжи,
Ихъ лукавый промыселъ высокій
и святой,
Его баюкаютъ камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранитъ
его покой.

Лоллій Львовъ

—o—

Водораздѣлъ Европы

Stephen *Graham*. The Dividing Line of Europe. D. Appleton and C-o. New York. 1925 VII + 309.

До войны Стивенъ Грэамъ слылъ заядлымъ реакціонеромъ, и въ кругахъ русской интеллигенціи на него и на его писаніе посматривали косо: слишкомъ ужъ онъ, по мнѣнію нашихъ радикаловъ, «идеализировалъ старую Россію. Эта репутація сослужила ему дурную службу при Временномъ Правительствѣ: по совѣту британскаго посла въ Петроградѣ, сэра Джорджа Бьюкенена, который, конечно, въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по указанію своихъ русскихъ друзей, Грэаму было отказано въ разрѣшеніи пріѣхать въ Россію. Впрочемъ, Грэамъ и самъ не скрывалъ тогда своего отрицательнаго отношенія къ тому, что онъ называетъ «конституціонной» революціей, т.е. къ революціи февральской, за которой онъ уже предвидѣлъ октябрьскую.

Въ послѣдній разъ Грэамъ былъ въ Россіи въ 1916 г. Года два тому назадъ онъ подалъ ходатайство о визѣ въ Совѣтскую Россію. Въ этомъ ходатайствѣ ему было отказано: «преждевременно и нецѣлесообразно» гласила резолюція совѣтскаго правительства. Тогда Грэамъ рѣшилъ осенью 1924 г. совершить путешествіе въ т.н. окраинныя государства и оттуда присмотрѣться къ тому, что дѣлается въ Россіи.

Онъ проѣхалъ отъ Валаама до Аккермана, посѣтивъ Финляндію, Эстонію, Латвію, Литву, Польшу и Бессарабію. Результатомъ этого путешествія явилась книга, которую Грэамъ озаглавилъ «Водораздѣлъ Европы». «Водораздѣлъ» это и есть окраинныя государства лимитрофы — тотъ барьеръ который раздѣляетъ культурную Европу отъ обольшевиченной Россіи.

Но книга Грэама не есть ни сужденіе о Россіи съ пограничныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, ни просто разсказъ о путешествіи отъ Валаама до Аккермана. Въ ней собрано всего понемногу.

Книга распадается на пять частей: первая, озаглавленная «Россія которую мы знали», посвящена взглядамъ Грэама на русскую революцію вообще; вторая («Водораздѣлъ Европы») — говоритъ о Европѣ и Россіи, и въ частности объ интервенціи. Третья часть, центральная «Черезъ санитарный кордонъ» — заключаетъ описаніе самого путешествія Грэама и обобщающія характеристики всѣхъ пограничныхъ съ Россіей государствъ: четвертая часть называется «Россія во Франціи», и, наконецъ пятая — «С.С.С.Р.».

Для Грэама русская революція была слѣдствіемъ усталости отъ войны, неспособности царской Россіи выдержать военное напряженіе. Къ революціи и къ большевикамъ онъ относится рѣзко отрицательно. «Славную дореволюціонную Россію мы проглядѣли, — говоритъ онъ — на оборванную, нищую Россію, управляемую бандой гориллъ въ человѣческомъ образѣ. Россію Достоевскаго, Чайковскаго, Рѣпина — на Россію Зиновьева, Троцкаго и Ленина».

«Что это: шутка или твердокаменное невѣжество», — спрашиваетъ онъ, когда англійскіе политики «встаютъ въ парламентѣ и заявляютъ, что нынѣшняя Россія та же, что Россія вчерашняя, только подъ другимъ именемъ». По мнѣнію Грэама, это «злостное издѣвательство, почти кощунство»... «Старая Россія приносила на общій алтарь многообразныя богатые дары, новая приноситъ только смерть и перемѣны».

Во второй части Грэамъ касается т.н. интервенціи. Онъ осуждаетъ ее — формально, потому, что ее хвалили Ллойдъ Джорджъ и Черчилль, не имѣя на то никакого права. Неудачному онъ ее осуждаетъ и по существу. Но въ вопросѣ о ней онъ колеблется, что даже лишь его извиняетъ, онъ могъ быть только предъ. «Я считаю, — говоритъ Грэамъ, — что контръ - революціонеры могли побѣдить, если бы англичане не пошли въ Россію. Ибо мы пошли туда съ нашими европейскими выученными проектами новой Россіи, съ нашей верной рожевой этикой, но не чувствуя за собой движущей силы сражающейся и жрущей въ свою пользу Англіи».

Центральная часть книги Грэама, гдѣ описывается путешествіе по лимитрофамъ, полная, особенно содержательная и интересная. Тѣмъ, кто слѣдилъ за «Тайной мощью», уже знакомы эти очерки, печатавшіеся сначала въ этой крупнѣйшей изъ англійскихъ газетъ. Мѣткія наблюденія, меткія описанія и острыя обобщенія характеристики безпристрастнаго и скорѣе доброжелательнаго иностранца даютъ любопытную картину существованія новыхъ отрицающихъ Россію государствъ. При всей своей доброжелательности, одобреніе великодержавной, чуть презрительной снисходительностью, къ молодымъ государствамъ Прибалтики, Грэамъ не стѣсняется безпощадно вскрывать ихъ недостатки, ихъ узкій, мелочный націонализмъ, вредящій имъ же самимъ, ихъ часто бессмысленную, неоправданную шовинистическую борьбу со всѣмъ русскимъ. Послѣднее наименѣе всего замѣтно, по словамъ Грэама, въ Эстоніи, которую онъ называетъ «случайной и экспериментальной страной». («Правда, это — интересная случайность и любопытный экспериментъ», добавляетъ онъ).

Получается парадоксальное положеніе, когда какой самолюбивый націонализмъ этихъ странъ мѣшаетъ даже ихъ собственнымъ экономическимъ сношеніямъ и для взаимнаго общенія приходится прибѣгать къ гонимому нѣкоторыми изъ нихъ русскому языку.

Въ Ригѣ, напримѣръ, по свидѣтельству Грэама, хотя, всѣ надписи и вывѣски — на латышскомъ языкѣ, русскій языкъ является своего рода эсперанто. Вообще Грэамъ правильно подмѣчаетъ, что основнымъ опредѣляющимъ факторомъ существованія всего этого окраиннаго пояса государствъ является отсутствіе настоящей Россіи. И это — совершенно независимо отъ того, какъ сложатся дальнѣйшая судьба лимитрофовыхъ теперешнее бытіе есть функція небытія Россіи и существованія СССР на ихъ границахъ.

Что касается будущаго окраинныхъ государствъ, то — за исключеніемъ, можетъ быть, Польши и Финляндіи — Грэамъ скорѣе мыслитъ его себѣ какъ федерацію съ «демократической» Россіей, нежели какъ самостоятельное существованіе.

Особую главу Грэамъ посвящаетъ пустымъ пьедесталамъ статуй, которые онъ видѣлъ повсюду. Когда то на этихъ пьедесталахъ возвышались памятники русскихъ царей и національныхъ героевъ, но въ припадкѣ нездороваго націонализма молодыя государства снесли ихъ, большей частью не взирая на личности, за отсутствіемъ собственныхъ героевъ. Кое-гдѣ, правда, начинаютъ воздвигать новые памятники.

Это наводитъ Грэама на слѣдующія размышленія:

Можетъ быть, ошибка — воздвигать памятники въ странахъ, легко подверженныхъ революціи. Въ Мексикѣ пять всѣ статуи великаго дня за одни сутки. И въ этихъ новыхъ странахъ Европы, когда они начинаютъ засыпать свои площади каменными изображеніями, воздвигаемыми на пьедесталахъ, которые нѣкогда занимали увѣнчаніе герои другой расы, — невольно чувствуешь, что они воздвигаютъ изображенія, которыя будутъ снова низвергнуты.

Это новое явленіе, по мнѣнію Грэама, особенно сильно чувствуется въ Польшѣ и въ Бессарабіи. Цѣлая глава, посвященная Грэамомъ разрушенію варшавскаго Собора, прочтется съ волненіемъ всякимъ русскимъ.

Но несмотря на всѣ старанія стереть самую память о Россіи, Рига, напримѣръ, никогда не была такой русской, какъ сейчасъ. Русскій языкъ гарлитъ на улицахъ и въ городскихъ сводахъ. Попавъ въ Двинскъ, Грэамъ почувствовалъ какъ будто его перенесли въ провинціальный городокъ въ глубинѣ Россіи. Нечто и говоритъ о Валаамѣ, который он хвалитъ какъ изумительный русскій островъ въ чужомъ и чуждомъ мірѣ.

Интересны наблюденія, сдѣланныя Грэамомъ на лондонскихъ «креслахъ».

Весьма красочно описываетъ Грэамъ свое путешествіе по Бессарабіи — страна за многимъ въ заливахъ пропитъ, потомъ, послѣ одного обѣда, устроенного въ честь его журналистами, — «имѣть вкусъ гнѣй чувствовать правительства». Оказывается, какъ замѣчаетъ Грэамъ, имѣла цѣлью не столько обѣдъ его, сколько почтить его свободному общенію съ населеніемъ ея. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ дружественныя слова по адресу румынскаго правительства и во всякомъ случаѣ считаетъ, что всякія румынскія притѣсненія въ Бессарабіи лучше большевицкаго ига. Это мнѣніе, утверждаетъ онъ, раздѣляется и всѣми русскими.

Менѣе интересны, кажется, послѣдніе части книги. Въ «Россіи во Франціи» всего интереснѣе бесѣды съ русскими писателями, три изъ которыхъ были въ отрывкахъ переведены въ «Возрожденіи». Кромѣ того мы находимъ здѣсь глаза о русской церкви и о русскихъ школахъ въ Парижѣ и о политическомъ положеніи во Франціи. Одинъ, общей картины этого интересного разсказа по Франціи это для наиболѣе разительныхъ чертъ деталяхъ не получается: Грэамъ не пробыть не надѣлъ.

Не представляютъ интереса для русскихъ читателей и полу - шутки, не изъ самыхъ почерпнутыя разсужденія Грэама о Совѣтской Россіи. Но для иностранцевъ они полезны. Выводъ же — предсказаній его мы здѣсь писать не будемъ.

Глѣбъ Струве.

Немногое о красотѣ русской церкви

Божественная благодать, «обнимающая вселенную» даровала Европѣ и намъ, насельникамъ ея, обитель преподобнаго Сергія... Теперь не странно въ разсказѣ: чужбина стала роднѣе, многое въ ней насъ то пристыдило!.. Какъ умѣетъ дивнаго искомать, и манитъ прохладою лесной влаги... Теперь не стыдно на людяхъ: прямо въ лицо Запада смотрятъ очи православныхъ. Сберегли мы скиніи нашу — святую Вѣру, не задули и страстной свѣчки: донесли до новаго пристанища божественную красоту русскихъ церквей!

«Во единомъ часѣ», въ единствѣ незыблемомъ должна предстать здѣсь, въ новой обители Радонежскаго Плотника или «зеленѣнина» русскаго храма.

Въ неисходимомъ планѣ замысловъ Димитрій Семеновичъ Стелецкій воскресить потухшія было очарованія древней иконописи и стѣнописнаго мастерства. Серапонтовъ монастырь, сказочные храмы Ярославля и Костромы, Новгородскій Спасъ въ Нередицѣ и кладбищенскія церкви старообрядцевъ, ихъ неизвѣстныхъ блистателей и хранителей нашей святой старины, и Новодѣвичій Московскій монастырь и многіе, многіе иные должны найти подлинный отблескъ ихъ красоты въ центрѣ духовной жизни западнаго Запада.

Въ этой поневолѣ краткой замѣткѣ хотѣлось бы дать нѣкоторое чувствованіе творческаго лица художника Стелецкаго. Для полнаго его использованія нужна монографія спеціалиста, его рано любовно изучать, ибо онъ является учителемъ русскаго по преимуществу и первоначально по духу искусства; литературно о немъ создается какъ иностранцами, такъ и отечественными изслѣдованіями. Такъ, англійской книги о русскомъ искусствѣ — Р. Ньюмерчъ, («Русское Искусство»), говоря о стилѣ нашего мастера, отмѣчаетъ его «*арсаизмъ*» въ прекрасныхъ смыслахъ этого слова. «Стелецкій, — говоритъ далѣе Ньюмерчъ, — является безъ сомнѣнія однимъ изъ исключительно прекрасныхъ декоративныхъ мастеровъ нашего времени». Итальянцы въ ихъ «Кумрумѣ» за 1924 г. иллюстрируютъ работы о русской національной живописи вещами глубокаго на предметъ — Д. С. Стелецкаго, Сергѣя Глаголь, такъ близко, такъ тонко знающій родную нашу живопись, говоритъ о мастерствѣ Стелецкаго, какъ объ интимномъ, родномъ, русскомъ. (Это въ послѣсловіи къ маленькой книгѣ замѣчательнаго знатока искусства, хранителя Луврскаго Музея Сидонна Райнака, — «Аналекты»).

Декоративный характеръ творчества Стелецкаго сѣяно наблюденъ Александромъ Бенуа. Все, что дѣлаетъ этотъ большой національный мастеръ, есть какъ бы простодушная декорація къ Божьему дѣйству, къ свободному дыханію Духа, который дышетъ тутъ, обо «хощетъ того, себе исполняетъ Себѣ сплетаетъ фонъ изумительной сказочной красоты...

Страхъ Божій, содрогающій поэтовъ предъ тайной таинствъ, изобилующаго острыми своей изумительно-бывшаго здѣсь Творца отъ нѣкоторыхъ эпохъ Стелецкаго. Великая строгость формы, строгая линейная простота чистаго иконописнаго характера, отмѣтка немного пламенно Стелецкаго и нашего поэта, какъ А. Бенуа, не знаемъ правоглашенія ихъ высокія образцы, нужно, встрѣчъ свѣтъ въ зорь, а Богу предстоитъ смиренно-радостный образъ воскресшаго, преображенной, духоносной плоти.

Стелецкій даетъ вѣрное чувство сознанія очи культурнаго Запада, плодотворнія того, что было и есть полезнаго, возносящаго къ насъ, за нашей жертвѣ Богу.

Въ хаотическій хаосъ «варварскаго Востока» найденъ художникомъ въ дивныхъ глубинахъ русскаго творчества, — имъ открыта и показана міру — какая преобладающая черта русской души и ея формующаго, воображающаго генія.

Все строго, все подчинено въ художникѣ. Его дѣло не произвольная реставрація, а сознательно свѣтлыя молитвы пріидите къ истокамъ и коренямъ вѣры Руси. Это не Рублевъ, не Нестеровъ, не Васнецовъ и, конечно, не Врубель, это — Стелецкій, и его мѣсто можетъ быть занято въ исторіи русской живописи только въ ряду мастеровъ, чтобъ называемыхъ называемъ святыхъ нашего прошлаго, тысячелѣтняго русскаго иконописнаго канона...

Здѣсь канонъ сбереженъ нашимъ мастеромъ не въ утлыхъ предѣлахъ пятнадцатаго вѣка, гдѣ онъ слишкомъ сходенъ стихія древнихъ Византіи и формальнаго мастерства изгнаниемъ. Но въ свободныхъ мѣлкахъ русскаго Возрожденія, въ нашемъ вѣкѣ 16-го и 17-го столѣтій, въ прекрасныхъ дняхъ великаго колориста Дионисія и Строгановской школы.

«Мнѣ хотѣлось бы видѣть цѣлые соборы, расписанные Стелецкимъ», — говоритъ А. Бенуа. Начало исполненія. Уже скоро украсъ храмъ Радонежскаго Чудотворца, украшенный Стелецкимъ. Онъ станетъ тѣмъ такимъ молитвомъ, въ кромѣ нея не будетъ какого, гдѣ художника сама молится и слѣдно кланяетъ.

Вѣдь въ храмѣ есть — домовинъ! Въ нашемъ домѣ должны быть здѣсь всѣ, сколько невидимые замки Божьяго Дома. Святыня и сущаго въ Ней, великое и малое, Алтарь и украшенія и утвари, [illegible] и лампады, [illegible] и чинъ молитвы должны образовать тѣснѣйшимъ, жизненнымъ сліяніемъ сказанный женскій, возносящій великаго Богу отецъ нашихъ. Кто въ Православіи, тотъ знаетъ, что оно является въ себѣ существомъ строгой формы. На каждомъ русскомъ нашихъ дней особой тяжестью лежитъ священная охранительная забота: стоять на стражѣ нашей исконной церковной красоты.

Тогда только, когда этотъ долгъ будетъ исполняться, — тогда на насъ въ храмѣ «прасеелъ бѣлъ», а въ нихъ «лѣзъ свѣтоносный», а вокругъ него — «небо небесъ, «третье — наше! — небо», а тамъ — сверкающіе ликами сверкнутся восторженной изумленной душѣ!.. Только тогда заиграютъ пятнами медальоны Ѳеранонтовыхъ фресокъ, увидутъ на перилахъ лѣсной нашей мазанные тѣмъ родного сѣнца радость нашей загѣтной богатой любви въ дерзновеніи Божіей... Молитесь вы въ храмѣ, а надъ главою вашею воздушные вьются сонмы горнихъ престоловъ въ своемъ прикрытъ отшедшихъ! Уходите, — а они сопровождаютъ вашъ радостно вознесенныхъ пѣснопѣній... Вы уже въ притворѣ, а сонмы вслѣдъ еще съ вами: на мостахъ [illegible] и хоругвіи [illegible] молитвенныхъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

Въ мірѣ литературы и искусства

ФРАНЦІЯ

✠ Въ Руанѣ въ приходскихъ книгахъ церкви Сенъ Ло обнаружена запись о погребеніи аббата Томаса **Корнеля**, одного изъ сыновей великаго писателя. Томасъ Корнель избралъ путь религіознаго служенія по соображеніямъ матеріальнымъ, ради облегченія своей семьи. Самъ Корнель дважды безуспѣшно ходатайствовалъ передъ королемъ о назначеніи своего сына аббатомъ, и только въ 1680 году его просьба была удовлетворена. Скончался Томасъ Корнель въ 1699 году.

✠ Въ Изд-вѣ А. Колэнъ вышелъ VI-ый томъ общей переписки **Ж. - Ж. Руссо** съ комментаріями Г. Дюфура.

✠ Въ Парижѣ на бульварѣ Мальзербъ извѣстный художникъ по металлу **Эдгаръ Брандтъ** открылъ постоянную выставку декоративнаго искусства.

✠ Въ изд-вѣ Михиэль Корнфельдъ вышелъ подъ названіемъ «Писатели у себя» альбомъ зарисовокъ русскаго художника **Сергѣя Черевкова** съ краткимъ текстомъ Рене Лалу. Въ альбомѣ портреты Андрэ Жида, Жироду, Карко, Рони - старшаго, Дюамеля, Кодетта и другихъ писателей, всего 30 рисунковъ.

✠ Вышла новая книга Эдуарда **Эрріо** «Нормандскій Лѣсъ» — очерки о Нормандіи и знаменитыхъ нормандцахъ (въ томъ числѣ о Шарлоттѣ Кордэ и о Маратѣ).

✠ Вскорѣ исполняется сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго автора «Физіологіи Вкуса» **Брійа - Саварэна**...

✠ Скончался литературный и драматическій критикъ, сотрудникъ «Revue de deux Mondes», **Андрэ Бонье**.

✠ Въ Сорбоннѣ въ связи съ присужденіемъ почетной докторской степени состоялось чествованіе извѣстнаго англійскаго историка литературы и критика сэра Эдмунда Госсе.

✠ Въ одномъ изъ самыхъ интересныхъ театровъ — въ «Ателье» — пьеса англійскаго писателя Бена **Джонсона**, современника Шекспира, «Эписенъ, или молчаливая женщина» въ передѣлкѣ Марселя Ашара. Музыка къ пьесѣ написана Жоржемъ Орикомъ. Декорація и костюмы — Жана Виктора Гюго.

✠ Въ Студіи Елисейскихъ Полей идетъ сейчасъ одноактная пьеса Бернарда **Шоу** «Человѣкъ судьбы» (о Наполеонѣ).

АНГЛІЯ

✠ Извѣстный журналистъ Сизли **Хедльстонъ**, бывшій корреспондентъ газетъ «Observer», «Таймсъ» и др., авторъ книги о Пуанкаре, выпустилъ новую книгу подъ названіемъ «О Франціи и Французахъ».

✠ Извѣстное англійское издательство Чатто и Виндусъ занялось послѣднее время **Ремизовымъ**. Послѣ «Часовъ», въ очень хорошемъ переводѣ Дэвида Курноса, вышла въ переводѣ Алека Брауна «Пятая Язва». Тотъ же переводчикъ, проживающій, между прочимъ, въ Бѣлградѣ, перевелъ «Неуемный Бубенъ», выходящій въ скоромъ времени.

✠ Подъ названіемъ «Моя жизнь въ искусствѣ» на англійскомъ языкѣ вышла книга К. С. Станиславскаго.

✠ Въ англійскомъ переводѣ вышелъ романъ извѣстнаго чешскаго писателя Карла Чапека «Кракатитъ».

✠ Въ издательствѣ Макъ Миллэнъ вышла книга разсказовъ Рабиндраната Тагора «Разорванныя узы».

✠ Англійскій дипломатъ серъ Реннель **Реддъ**, бывшій посолъ въ Римѣ, выпустилъ свои воспоминанія съ 1902 по 1919 годъ.

✠ Переживаемый сейчасъ Франціей финансовый кризисъ нашелъ отраженіе въ книгѣ Джорджа **Пиля**. «Таймсъ» рекомендуетъ эту книгу всѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ исторіей французской фискальной системы.

БЕЛЬГІЯ

✠ Въ Брюсселѣ состоялось чествованіе извѣстнаго французскаго писателя - мистика Поля **Клоделя** по случаю его пріѣзда туда. Извѣстный литературный критикъ Фредерикъ Лефевръ прочелъ докладъ о Клоделѣ. Редакція журнала «Ревю Женераль» устроила завтракъ въ честь Клоделя, на которомъ редакторъ журнала Анри Давиньонъ привѣтствовалъ знаменитаго католическаго писателя, какъ геніальнаго пѣвца славы Божіей. Въ тотъ же день Поль Клодель прочелъ докладъ объ японской литературѣ. Вечеромъ, послѣ ужина его пріѣзда, у поэта Т. Брауна собрались нѣсколько католическихъ писателей... Послѣ обѣда, устроенного Международнымъ Писательскимъ Клубомъ, Клодель выѣхалъ въ Антверпенъ и Льежъ, гдѣ выступалъ съ докладами.

✠ Въ числѣ докладовъ, устраиваемыхъ въ Брюсселѣ католическимъ обществомъ, отмѣтимъ доклады Рене **Бенжамэна** «Въ пещерѣ Тигра. Три дня у Клемансо въ отставкѣ (19 января) и Леона Додэ «Глупый 19-й вѣкъ» (27 января).

✠ Основатель журнала «Бельгійское обозрѣніе» Пьеръ **Гемаръ** въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Нувелль Литерэръ» высказалъ интересныя мысли о вліяніи французской литературы на бельгійскую. По его мнѣнію это вліяніе очень велико, а французскіе писатели имѣютъ въ Бельгіи даже большій кругъ читателей, чѣмъ бельгійскіе. Происходитъ это оттого, что бельгійцы лишены психологическаго дара и не умѣютъ писать романовъ, самаго распространеннаго вида литературы. Эти заявленія вызвали протесты со стороны цѣлаго ряда бельгійскихъ литературныхъ обществъ.

На выставкѣ Жуковскаго

20 декабря закрывается выставка картинъ С. Ю. Жуковскаго въ галлереѣ Шарпантье и по рю Фобуръ Сантъ Оноре.

Эта выставка, посвященная русскому пейзажу много говоритъ русскому сердцу. Невозможно не отмѣтить эту выставку, какъ выдающееся событіе художественнаго міра въ Парижѣ.

Художникъ С. Ю. Жуковскій по своему художественному воспитанію и по мотивамъ своего творчества весь пропитанъ старой Россіей и ея творческими исканіями. Окончивъ въ началѣ 900-хъ годовъ Московскую «Художественную школу живописи, ваянія и зодчества», онъ въ 1902 - 1905 г. появился на выставкахъ передвижниковъ. Его яркій и бросающій талантъ съ большой силой выражалъ и осенніе дали и зимніе снѣга и все очарованіе нашей русской весны, когда въ мартѣ лиловыя тѣни притаились въ тающихъ сугробахъ...

Помню его «Фіалку на окнѣ», «Балконъ подъ снѣгомъ». Лиловый букетъ фіалокъ стоитъ на открытомъ окнѣ и, кажется, дышетъ и трепещетъ, горитъ отъ весенняго апрѣльскаго солнца «Балконъ подъ снѣгомъ». Видна аллея парка. Еще мартъ. Еще сугробы, гдѣ бѣгутъ змѣйки снѣжной пыли. Но уже мартъ, и скоро фіалка будетъ стоять на окнѣ...

Вступивъ затѣмъ въ «Союзъ», гдѣ были Малявинъ Виноградовъ, Туржанскій, Нестеровъ, Юонъ, Первухинъ, Малютинъ и др., С. Ю. Жуковскій остался несравненнымъ пѣвцомъ русскаго пейзажа.

Сейчасъ художникъ живетъ въ Варшавѣ. Его полотна, какъ «Мартовскій вечеръ», «Ночь осенью», «Послѣдніе лучи» уже подписаны по польски. Но художникъ все тотъ ... Въ его воображеніи неистребимо живутъ образы Россіи, — его художественной родины.

П. Никашинъ.

Общій путь

Поступилъ въ продажу № 7 журнала «Общій Путь». Это журналъ является выразителемъ идей образовавшагося въ началѣ этого года, по иниціативѣ группы монархистовъ во главѣ съ Герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ — Союза Объединенныхъ Монархистовъ. С. О. М. имѣетъ своей главной цѣлью объединеніе всѣхъ настоящихъ монархистовъ и устраненіе всѣхъ внутреннихъ треній и несогласій между отдѣльными монархическими теченіями.

Журналъ имѣетъ 24 страницы большого формата и заключаетъ, въ числѣ другихъ, статьи І. Никанорова «Святая Русь» и Бор. Суворина «На путяхъ Добровольчества». Бор Суворинъ является постояннымъ сотрудникомъ журнала. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала печатается романъ Евгенія Тарусскаго «Приключенія Каперанга Владыкина» съ иллюстраціями художника Пэма.

Иностранная жизнь

Германія

«ФОРВЕРТСЪ« О МИНИСТЕРСКОМЪ КРИЗИСѢ.

«Форвертсъ» пишетъ по поводу министерскаго кризиса: «Мы не такъ нервны, какъ французы или поляки. Наши лидеры партій не сидятъ дни и ночи вмѣстѣ, наши фракціи не засѣдаютъ непрерывно. Тѣ, кто смотритъ извнѣ на внѣшнее теченіе германскаго кризиса должны сказать: «Германцы методичный народъ. Какая педантичная медленность, какое спокойствіе; какое благодушіе; какое гордливое презрѣніе къ времени. Да, если посмотрѣть извнѣ; у насъ весьма благодушный правительственный кризисъ. Но рядомъ со сферой парламентскихъ переговоровъ творятся весьма неблагодушныя дѣла. Настоящій кризисъ потрясаетъ хозяйственныя основы существованія народа. Армія безработныхъ угрожающе растетъ. Конкурсъ слѣдуетъ за конкурсомъ. Въ хозяйствѣ общій кризисъ довѣрія. Происходитъ уничтоженіе капитала, падаетъ покупная способность внутренняго рынка. Странный контрастъ! Этотъ благодушный правительственный кризисъ и этотъ бурно наростающій кризисъ экономическій, порождающій горе, нужду и ожесточеніе».

Чехословакія

АГИТАЦІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПРИЗНАНІЯ С.С.С.Р.

Нашъ корреспондентъ изъ Праги.

На общемъ собраніи союза сѣверо-моравск. и силезскихъ промышленниковъ происходившемъ въ Витковицѣ, въ центрѣ сужденій стоялъ вопросъ о признаніи де юре Совѣтской власти. Заинтересованныя лица доказывали экономическую необходимость признанія Совѣтовъ, ссылаясь на предстоящіе огромные заказы Совѣтской власти, которые достигнутъ якобы 2½ милліардовъ кронъ! Если Совѣтская власть не будетъ признана де юре, металлургическая промышленность Чехословакіи не сможетъ участвовать въ принятіи этихъ заказовъ, ибо тогда будетъ исключена возможность переучета русскихъ векселей при помощи т.н. «банковой управы» М-ва Финансовъ. Эта агитація, важнѣйшимъ органомъ въ печати которой является нѣмецко-еврейская газета «Прагеръ Тагблаттъ», исходитъ главнымъ образомъ отъ еврейскаго капитала, экономически особенно сильно заинтересованнаго въ моравско-силезской промышленности и политически симпатизирующаго Совѣтской власти.

Зарубежная Россія

Франція

ИМФИ.

Отъ нашего корреспондента.

Маленькая желѣзнодорожная станція около Невера съ крохотнымъ городкомъ при ней «живетъ за счетъ большого сталелитейнаго завода, насчитывающаго болѣе тысячи рабочихъ спеціалистовъ.

Русская колонія въ Имфи постоянно мѣняетъ число своихъ членовъ. Еще не такъ давно здѣсь работала значительная партія пріѣхавшихъ изъ Болгаріи чиновъ Русской Арміи, сейчасъ они разсосались по Франціи на болѣе выгодныя работы, а пока осталось *около сорока человѣкъ*, но уже въ этомъ мѣсяцѣ *ожидается около 100 человѣкъ*, для которыхъ Командованіемъ устроены визы изъ Сербіи и Болгаріи.

Работа не тяжелая, хотя въ нѣкоторыхъ ателье довольно опасная и требуетъ большого навыка. Живутъ русскіе рабочіе большей частью въ заводскомъ баракѣ, тамъ же и питаются, благодаря большимъ заботамъ о нихъ жены русскаго офицера г-жи Давыдовой. Отношеніе дирекціи къ русскимъ превосходное, и вообще взглядъ у мѣстнаго населенія на русскихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особенно это обнаружилось послѣ торжественной церемоніи возложенія въ день перемирія вѣнка русскимъ общевоинскимъ союзомъ на могилу солдатъ — гражданъ Имфи, совмѣстно съ французскими комбатантами. Прекрасная рѣчь предсѣдателя мѣстнаго союза капитана Невструева, кстати отлично говорящаго по французски, и пользующагося, благодаря своему такту, громаднымъ авторитетомъ среди мѣстнаго населенія, растрогала французовъ и на банкетѣ въ тотъ же вечеръ предсѣдатель комбатантовъ своею рѣчью живо подчеркнулъ постоянное идейное единеніе русскихъ и французскихъ патріотовъ.

Въ день Галлиполійскаго праздника 22 ноября русская группа собралась въ помѣщеніи здѣшняго отеля и за дружескимъ столомъ, привѣтствовавъ громовымъ ура тостъ за Великаго Князя Николая Николаевича, вспомнила имена старыхъ начальниковъ своихъ Генераловъ Врангеля, Кутепова, Шатилова и Репьева. Имфи, въ добрый часъ сказать, — лучшее опроверженіе ходкой и, увы! — часто вѣрной пословицы, что гдѣ два русскихъ, тамъ двѣ партіи, и эти сорокъ человѣкъ, тѣсно спаянныхъ въ одно общими мыслями и энергичной работой прекраснаго офицера капитана Невструева, какъ-то заставляетъ вѣрить въ возможность общей спайки всѣхъ русскихъ людей.

В. Орловскій.

Бельгія

ПОМОЩЬ РУССКИМЪ

Намъ пишутъ изъ Брюсселя:

Помощь студентамъ взялъ подъ свое высокое покровительство кардиналъ Мерсье, выдающійся моральный обликъ котораго привлекъ къ себѣ одинаково какъ бельгійскія, такъ и русскія сердца. Ему удалось выхлопотать для этой цѣли у правительства лотарею съ денежными выигрышами, съ которой было выручено нѣсколько тысячъ франковъ. Въ Лувенѣ братья аббаты Дерсель взялись за главное руководство этой помощью. Что касается собственно Брюсселя, то здѣсь группа бельгійскихъ дамъ (и русскихъ женъ бельгійцевъ), съ госпожами Катье и Гольдшмидтъ во главѣ, устроили общежитіе для студентовъ. Въ настоящее время можно смѣло сказать, что всѣ нуждающіеся студенты поголовно или получаютъ стипендію въ 300 фр. въ мѣсяцъ, или живутъ въ общежитіи на всемъ готовомъ.

Далѣе у насъ существуетъ отдѣленіе Краснаго Креста прежней организаціи. Къ сожалѣнію дѣятельность его, за недостаткомъ средствъ, крайне ничтожна, почти исключительно рекомендательнаго и направляющаго характера. Въ послѣдній годъ во главѣ этой помощи стоитъ Фритеро, бельгійка, рѣшившаяся самоотверженно отдать этому дѣлу и свой трудъ и свою энергію.

Не могу не помянуть и о помощи г-жи Леклеркъ-де-Во, которая, движимая исключительно гуманными побужденіями начала 2-3 года тому назадъ свою скромную дѣятельность. Ей удалось привлечь къ своему дѣлу и Кардинала Мерсье и все, что есть у насъ наиболѣе знатнаго и сильнаго въ бельгійскомъ обществѣ. Ея начальныя желанія были «помощь бельгійскихъ матерей — русскимъ матерямъ», но за отсутствіемъ въ Брюсселѣ иной помощи, она рѣшилась помогать во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ безъ ограниченій. Она живетъ и страдаетъ душою за русскихъ.

Николай Черноморскій.

Въ совѣтской Россіи

«ВКП» ВМѢСТО «РКП»

«Извѣстія» сообщаютъ: Центральный Комитетъ РКП(б)—Россійской коммунистической партіи большевиковъ—постановилъ внести на 14-ый съѣздъ партіи предложеніе о переименованіи РКП(б) во Всесоюзную коммунистическую партію (большевиковъ) - ВКП(б).

СИБИРСКІЙ КРАЕВОЙ СЪѢЗДЪ СОВѢТОВЪ.

Закончившійся первый краевой съѣздъ ознаменовался переименованіемъ Новониколаевска, гдѣ происходили засѣданія съѣзда, въ Новосибирскъ. Избранъ президіумъ краевого сибирскаго Исполкома, предсѣдателемъ котораго является коммунистъ Эйхе. Растерянность руководящихъ круговъ компартіи передъ все болѣе сказывающимся ростомъ недовольства въ крестьянскихъ массахъ выразилась въ данномъ случаѣ въ томъ, что замѣстителемъ предсѣдателя Сибирскаго исполкома избранъ «безпартійный крестьянинъ-середнякъ» Ачинскаго округа Сукачъ.

ОБВАЛЪ ШАХТЫ ВЪ ДОНБАССѢ.

«Правда» сообщаетъ, что 9 декабря въ Буровскомъ рудникѣ въ шахтѣ Капитальной произошелъ обвалъ. Засыпано 8 рабочихъ. Первый день послѣ обвала они были еще живы и посредствомъ сигнализаціи съ ними переговаривались. Но послѣ связь съ ними порвалась. Этому предшествовалъ сильный гулъ отъ новаго, повидимому, обвала.

ИНОСТРАННЫЙ ЗАЕМЪ ДЛЯ АРМЕНІИ.

«Правда» сообщаетъ, что Нансенъ ведетъ заграницей кампанію за предоставленіе Совѣтской Арменіи займа въ 9 милл. рублей. Заемъ этотъ предназначается на переселеніе и на устройство въ предѣлахъ Арменіи армянъ бѣженцевъ, разсѣянныхъ заграницей. Совѣтское Правительство Арменіи дало знать Нансену, что оно готово заключить договоръ о займѣ только на условіяхъ, которыя не умаляютъ достоинства ССР Арменіи.

Церковная жизнь

НА СЕРГІЕВСКОМЪ ПОДВОРЬѢ

Роспись храма и иконостаса, какъ въ главномъ придѣлѣ — во имя пр. Сергія Радонежскаго, такъ и въ боковомъ — во имя Успенія Божіей Матери — быстро подвигается впередъ. Лютеранская кирка съ налетомъ готики исчезаетъ — вырастаетъ стильный **храмъ**, русскій XVI столѣтія.

На дняхъ долго и внимательно осматривалъ храмъ одинъ изъ видныхъ представителей старообрядчества и выразилъ особыя похвалы художнику за выдержанность стиля. Въ законченномъ видѣ, если все будетъ выдержано до конца, храмъ несомнѣнно будетъ предметомъ вниманія для старообрядцевъ.

Продолжаютъ поступать пожертвованія на написаніе образовъ какъ съ однимъ изображеніемъ, такъ и групповыхъ, (святыхъ покровителей семьи). Возникаетъ мысль объ устройствѣ стильныхъ — по рисункамъ художника — паникадилъ, подсвѣчниковъ и другихъ предметовъ въ обстановкѣ церкви. Весь вопросъ въ средствахъ, такъ какъ и самыя необходимыя нужды (центральное отопленіе, электричество, переустройство входной лѣстницы) еще не покрыты.

Вниманіе къ нуждамъ Подворья начинаетъ усиливаться вновь: кромѣ 40 тыс. франковъ отъ Э. Л. Нобеля къ Митрополиту Евлогію поступили 3 тыс. франковъ отъ г. Петрова. Ему возвращена была ссуда, данная имъ въ моментъ покупки. Изъ выплаченной суммы г. Петровъ 3 т. фр. пожаловалъ на Подворье.

Общее пѣніе на Подворьѣ вошло въ обыкновеніе и теперь «Вѣрую» и «Отче нашъ» поютъ всѣ молящіеся.

Зарубежный съѣздъ

ЗАСѢДАНІЕ ДОКЛАДНОЙ КОМИССІИ

Во вторникъ, 15 декабря состоялось подъ предсѣдательствомъ князя Н. С. Васильчикова очередное засѣданіе докладной комиссіи. Въ немъ былъ заслушанъ докладъ А. М. Масленникова на тему о взглядѣ Зарубежной Россіи на лицъ, состоящихъ въ красной армія и на совѣтской службѣ. Докладъ былъ проникнутъ стремленіемъ найти общій языкъ между Зарубежной Россіей и русскими гражданами, пребывающими подъ игомъ III Интернаціонала. Подчеркивалось, что при полной непримиримости къ коммунистической власти, національные круги зарубежной Россіи не питаютъ никакой вражды къ тѣмъ, кому выпало на долю тяжелое бремя работы подъ большевицкимъ засиліемъ.

Комиссія одобрила положенія доклада и постановила передать его въ Исполнительное Бюро по созыву Съѣзда. Затѣмъ, продолжалось обсужденіе вопросовъ, начатыхъ разсмотрѣніемъ въ предшествующемъ засѣданіи.

Слѣдующее засѣданіе докладной комиссіи назначено на вторникъ 22 декабря, въ 8 час. 30 мин. вечера, въ помѣщеніи Русскаго Національнаго Комитета (79, бульваръ Сенъ Мишель). Порядокъ дня: 1) продолженіе обсужденія политической программы по докладу кн. И. С. Васильчикова, 2) докладъ В. Н. Новикова «Основныя черты хозяйственнаго возстановленія Россіи».

Театральная Хроника

Въ Рижской Національной Оперѣ будетъ поставлена въ концѣ декабря режиссеромъ П. И. Мельниковымъ опера Римскаго Корсакова — «Царь Салтанъ», Дирижируетъ Эмиль Куперъ.

Съ небывалымъ успѣхомъ проходятъ гастроли нашей знаменитой балерины Тамары Карсавиной и ея партнера Петра Владимірова въ Ригѣ.

Извѣстный теноръ Маріинскаго театра Евгеній Виттингъ получилъ ушибы головы при автомобильной катастрофѣ. Артистъ выѣхалъ изъ Шавель на автомобилѣ, въ 12 верстахъ отъ города машина свалилась въ канаву. Шофферъ и сопровождавшій пѣвца администраторъ тяжело ранены.

Въ Двинскѣ и Рѣжицѣ съ большимъ успѣхомъ состоялись концерты извѣстной пѣвицы Е. В. Незвановой.

И М. Суховъ написалъ «Ноктюрнъ» для арфы и рядъ фортепіанныхъ произведеній.

Луначарскій заявилъ сотруднику «Пти Паризьенъ», что иностраннымъ авторамъ, пьесы которыхъ будутъ представлены въ Россіи, впредь будетъ уплачиваться гонораръ, но русскимъ режиссерамъ предоставляется право «примѣнять содержаніе пьесы» къ вкусамъ Москвы».

ПРИХОЖАНАМЪ И БОГОМОЛЬЦАМЪ СЕРГІЕВСКАГО ПОДВОРЬЯ

Благословеніемъ Пресвятой Богородицы и молитвами пр. Сергія Радонежскаго затеплена на чужбинѣ лампада Православія - Сергіевское Подворье.

Подъ сѣнью храма, въ исходящемъ отъ него молитвенномъ вѣяніи создался приходъ — церковное, наиболѣе прочное единеніе русскихъ людей.

Приходскій Совѣтъ Сергіевскаго Подворья обращ.съ настоятельнымъ зовомъ ко всѣмъ богомольцамъ храма: входите въ составъ общины, записывайтесь въ приходъ.

Прихожанъ Совѣтъ призываетъ записываться на самообложеніе и регулярно дѣлать свои взносы.

Пусть жертвы будутъ малы, но многочисленны и постоянны и святое дѣло зарубежнаго Православія будетъ обезпечено.

Запись и взносы принимаются въ праздничные и воскресные дни у свѣчного ящика, въ остальное время у членовъ прихода 93, рю де Криме, Парижъ 19 арр., почтовый адресъ тотъ же Телефонъ:Ком. 6а 12-93.

Приходскій Совѣтъ.

хологи, ни критики, ни историки литературы. Пытались не разъ, и всегда неудачно; хотя психологи производили даже анкеты. Тѣмъ драгоцѣннѣе художественныя произведенія, въ которыхъ авторъ вводитъ читателя въ свое святая святыхъ и даетъ возможность понять свое міроощущеніе и міропониманіе.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного произведенія, въ которомъ «естество» поэта было бы раскрыто съ такой яркостью, какъ въ «Цикадахъ». Поэты — великіе счастливцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе мученики, потому что природа ихъ двойственна: съ одной стороны, они — «ненасытные рабы Майи», съ другой — «ощутители Нирваны». Отсюда, ихъ великая радость и способность остро ощущать счастье, отсюда же ихъ великая скорбь и тоска. Они испытываютъ страшное чувство связанности съ Всебытіемъ и не менѣе страшное сознаніе неминуемаго исчезновенія въ немъ. Они отличаются «способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другія, чужія, не только самого себя, но и прочихъ, т. е., какъ принято говорить, способностью перевоплощенія»... «Это люди, одаренные великимъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ своихъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе безко нечно далекія звенья Цѣпи, существа, давно воскресившія въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго прошлаго, его тѣлесности. Это люди райски чувственные въ своемъ міроощущеніи, но, увы, Рая уже лишенные. Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука ухода изъ Цѣпи, разлука съ нею, сознаніе тщеты ея... и сугубаго, страшнаго очарованія ею».

Въ мірѣ идетъ вѣчная духовная борьба съ разрушительной силой смерти, и драгоцѣнными плодами этой борьбы являются трудъ и слава, стремленіе выразить себя въ наибольшемъ богатствѣ, выдѣлиться изъ милліоновъ себѣ подобныхъ пріобрѣсти вѣчную память: «Вѣнецъ каждой человѣческой жизни есть память о ней: высшее, что человѣку обѣщаетъ надъ его гробомъ, это жизнь и память вѣчную. И нѣтъ той души, которая не томилась бы втайнѣ мечтой объ этомъ вѣнцѣ». У поэтовъ такое томленіе острѣе, чѣмъ у другихъ, они больше, чѣмъ другіе, чувствуютъ «срочность и зыбкость» жизни, какъ «воплощеніе чего-то, намъ невѣдомаго», и боятся «безслѣдности».

Трагедія художника въ томъ, что въ немъ отъ Божества больше, чѣмъ у обыкновенныхъ людей: «Богъ безконеченъ, безграниченъ, вездѣсущъ, безмятеженъ. Но эти-то Божескія свойства и ужасны для меня», — говоритъ Бунинъ. «И если они все растутъ во мнѣ, я для своей человѣческой жизни, для этого земного «бытія» погибаю».

Миріады цикадъ беззаботно поютъ свою любовную пѣснь, онѣ въ «блаженномъ снѣ жизни», «міръ въ нихъ и онѣ въ немъ», онѣ не «умствуютъ»; полусонная волна, медленно накатившаяся гдѣ-то внизу на берегъ, счастлива, потому что она дремотна, бездумна, покорна, она умираетъ, не вѣдая того; море покоится «въ звѣздной летаргіи». А художникъ любуется всѣмъ этимъ, счастливый и несчастный: «И я думаю о томъ, какъ безконечно я несчастенъ, томясь своимъ счастьемъ, которому всегда не достаетъ чего-то и которое такъ преходяще, безслѣдно и такъ отравлено все растущимъ во мнѣ безуміемъ: безуміемъ моей какъ бы отдѣленности отъ міра и даже отъ самого себя, удивленія передъ нимъ и передъ собственнымъ существованіемъ, непониманіемъ ни себя, ни его».

Для истиннаго поэта, въ сущности, нѣтъ ни пространства, ни времени. Онъ живетъ всюду, и современность ограничить его не можетъ: вѣка исчезаютъ подъ властью его воображенія, и въ прошломъ онъ чувствуетъ себя, какъ бы въ настоящемъ, ибо, перевоплотившись, онъ является уже современникомъ прошлаго. Грани между дѣйствительностью и воображеніемъ стираются, поэтъ живетъ не только своей, но и тысячами чужихъ жизней. У Бунина эта способность перевоплощенія изображена съ поразительной отчетливостью: «Не разъ испыталъ я нѣчто поистинѣ чудесное», говоритъ Бунинъ. «Не разъ случалось такъ: я возвратился изъ какого нибудь далекаго путешествія, возвратился въ тѣ поля, гдѣ нѣкогда былъ ребенкомъ, юношей, — и вдругъ, взглянувъ кругомъ, чувствую, что долгихъ и многихъ лѣтъ, прожитыхъ мной съ тѣхъ поръ, какъ ни бывало. И это совсѣмъ, совсѣмъ не воспоминаніе: нѣтъ, проснулся я опять прежній... И нѣтъ силъ передать всю боль и всю радость этихъ минутъ, все горькое ихъ счастье. Гдѣ онъ, этотъ столь близкій мнѣ ребенокъ, юноша? Онъ живой, но уже безплотный, онъ я, но и не я, — да, ужъ все таки не я... — Не разъ чувствовалъ я себя не только прежнимъ собою, но и своимъ отцомъ, дѣдомъ, прадѣдомъ: въ свой срокъ кто-то долженъ и будетъ чувствовать себя — мною». Отсюда «особенно сильное Я» такого человѣка, «жаждавящаго утвержденія его и вмѣстѣ съ тѣмъ вящее (въ силу огромнаго опыта за время пребыванія въ огромной цѣпи существованій) чувство тщеты этой жажды, обострѣнное ощущеніе Всебытія». Плодомъ этой жажды во всемъ человѣчествѣ и явились Соломонъ, Будда, Толстой и многіе другіе великіе люди. И эта жажда не безслѣдна: всѣ они, познавшіе тщету существованія, сознающіе обманчивость и горечь «бытия», чувствуютъ его несказанную сладость, страдаютъ и радуются, воплощаютъ свои переживанія въ слово. Слово для нихъ единственное прибѣжище: они властвуютъ при помощи его, при помощи его они дѣлаютъ себя безсмертными, но и оно властвуетъ надъ ними, безъ него они жить не могутъ: «Кто и зачѣмъ», спрашиваетъ Бунинъ, «обязалъ меня безъ отдыха нести бремя, тягостное, изнурительное, но неотвратимое, — непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представленія и высказывать не просто, а съ точностью, красотой, силой, которыя должны очаровывать, восхищать, давать людямъ печаль или счастье, заражать ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ живу, передавать имъ себя и искать въ нихъ сочувствованія, единенія, сліянія съ ними».

Въ «Цикадахъ» много личнаго, но это личное настолько связано съ тѣмъ общимъ, что называется «художественнымъ творчествомъ», что новое произведеніе Бунина далеко выходитъ за тѣ предѣлы, которые онъ самъ себѣ поставилъ. Это одно изъ произведеній, надъ которымъ долго будутъ задумываться не только цѣнители искусства, но и психологи.

Въ этой лирической поэмѣ Бунина много томленія, тоски и глубокой трагичности. Въ ней во всю ширь развернулось то настроеніе, смыслъ котораго уже указанъ Бунинымъ въ одномъ изъ давнихъ его стихотвореній («Собака»):

«Я человѣкъ; какъ Богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и
всѣхъ временъ».

Но въ цѣломъ «Цикады» звучатъ гимномъ жизни, красотѣ, добру:

«Вѣрь спокойно», призываетъ авторъ: «не пропала и никогда не пропадетъ ни единая, даже самая малѣйшая доля твоего существованія, — каждая запечатлѣна и сохранится. Всѣ онѣ, и уже навсегда, навѣки померкнутъ, погибнутъ въ той послѣдней Тьмѣ, куда мы всѣ отходимъ въ свой срокъ. Но развѣ не казалось тебѣ не разъ, что и при жизни миріады ихъ уже погибли, утратили способность оживать, и развѣ ты не ошибался»?

Читая «Цикады», невольно проникаешься тѣмъ чувствомъ, которое, по словамъ автора, онъ испытывалъ всю жизнь при видѣ ранней утренней зари, «чувствомъ великаго счастья, дѣтски довѣрчивой, душу умиляющей сладости жизни, чувствомъ начала чего-то совсѣмъ новаго, добраго, прекраснаго, — и близости, братства, единства со всѣми живущими на землѣ». Вспоминаются его же стихи:

«Вѣчно лишь море, безбрежное море
и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея
красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ
незримою связью
Душу и сердце живыхъ съ темной
душою могилъ».
(«Надпись на чашѣ»).

И становится понятнымъ восклицаніе, которымъ заканчиваются «Цикады» и въ которомъ слышится страстный порывъ къ жизни, вожделѣнное отношеніе къ міру:

«Боже, оставь меня»!

Н. Кульманъ.